

ВРЕМЯ И МЕСТО

Жизнь потаенная

История веселых будней московской богемы глазами художника Валентина Воробьева

Вадим Алексеев

По утрам в Люксембургском саду в Париже можно встретить импозантного человека в кепке и в бороде. Здесь его знают все – от шахматистов до каменных епископов фонтана Сен-Сюльпис. Если его нет, значит, уехал в Прованс, писать гору Сен-Виктуар из окна собственной дачи. Валентин Воробьев – художник, писатель, деятель «второго авангарда», участник всех громких выставок 60–70-х годов и автор только что вышедшей в «Новом литературном обозрении» мемуарной книги «Враг народа». Полувековая история веселой жизни московско-парижской богемы наделала много шума, а Воробьев после тридцатилетнего отсутствия прибыл в Москву на презентацию своего сочинения. В московском «Клубе на Брестской» вернисажем Воробьева закрываются традиционные Банные чтения издательства «НЛО», в Питере автор представит книгу в модном клубе «Платформа».

Валентин Воробьев: «О чем говорить? О получке? Неинтересно!»

Фото автора

Центральным местом действия московской части вашего документального повествования «Враг народа» стал подвал на улице Щепкина, 4, где сейчас стоит Дойчебанк, а с 1966 по 1975 год там собиралось все артистическое подполье.

Настоящая жизнь Москвы шла в подвалах у художников. Только на моем пяточке на Сухаревке их было 15 штук! Собирались поэты, художники, музыканты, послы, диссиденты и алкаши. Мы продавали картины иностранцам, не думая ни о какой мировой славе. Хотели жить в России, гулять с бабами, пить виски, носить американские костюмы, читать книжки и слушать музыку. 68–69-й –

это были годы расцвета, невозможно себе представить, какой был завал иностранной клиентуры, очередь образовалась! Я окармливал всю Латинскую Америку, Австралию, потом появились Германия, Америка – множество людей.

В моем подвале жили Игорь Сергеевич Холин и Анатолий Тимофейич Зверев, устраивали банкеты и тащили туда баб, Зверев обязательно напивался. У меня он был постоянный жилец, его не надо было приглашать – у меня была его художественная база, контора, где шли заказы. Иностранцы приходили, спрашивали: «А это кто? Зверев? Можно его повидать?» – «Сейчас придет, через пятнадцать минут». Таким образом

посол Бельгии тут же устанавливает контакты и приглашает его к себе на квартиру или Зверев делает портреты прямо в подвале, сеанс длится 30–40 минут, человек рассчитается и уедет.

Но ключ от подвала я Звереву не оставлял. Если меня не было, он писал в амбарную книгу на входе: «Я был – сижу в диетической столовой напротив – пошел с бабой в кино – приду через час. А.З.». Заходишь в столовую – он там сидит.

Гостевая книга, наследница салонных альбомов!

Когда я обзавелся доходным подвалом в 66-м году, то открыл здоровенную амбарную книгу, куда писали все желаю-

щие – и мой квартирант Холин, и родственник Фрадкин. Однажды я написал в журнале: «Фрадкин, как моль на пятке!» Надоедливый был парень! Книга, которую я нашел на помойке, была нашим телефонным. Холин меня научил: «В армии у нас всегда такая висела в бараче. Отмечали сержанты и офицеры, куда кто ушел и чем занимается». Мою книжку неоднократно срывали и уничтожали бродяги, да и свои тоже – чтобы поглумиться. Пришел вдребезги пьяный, никого нет, ободился, книгу сорвал и выбросил, растоптал сапогом. Естачил кто-то, ворья много было, но кое-что я вырвал оттуда – почеркушки Зверева, например.

Зачем в вашем подвале был нужен постоялец?

Грабежи были постоянно, нужно было сторожа держать! Замки ломали, когда ты уезжаешь на три месяца на юг или на дачу, обязательно кто-то ворвется. Нужен сторож, чтобы люди видели, что свет горит, не брошенный сарай. А то залезут скватуры и будут жить. Так было неоднократно в Москве, когда ломали замки. Куда с девушкой идти? Подвалы были отелями, борделей не было тогда. Бродячий поэт, красивые девушки, манекенщицы, врываются или прыгают в окошко, ночуют. А сейчас божж – это божж.

Манекенщица, по идее, должна выбрать зажиточного писателя, академика.

Человек из подвала вкуснее, с подвальным поэтом интересней. Чего Гая Милова (первая русская манекенщица с мировым именем). – «НГ») лезла в подпольное общество? Интересно! Люди с большим воображением, много идей, они раскрашивают тело, меняют туалеты. А что академик? Подоса-тый шерстяной костюм каторжника, галстук черный, похоронное бюро! А детишки академиков сами лезли к нам в подвал. Кто Витю Ерофеева звал ко мне? Папа – посол, известная личность, и вдруг человек лезет в подвал. Там что, медом намазано? Там было гораздо веселее, чем с папой! Плюс флер опасности. А что – с папой сидеть на даче, на террасе? Куда смотреть, о чем говорить? О получке? О поездке в Берлин? Какие шмотки гэдэзерские везти домой? Неинтересно! Внучки маршалов по подвалам от холода прятались в кофточках – но это лучше, чем с папными денщиками на даче сидеть в Кунцево. А подвальное скворини? Музыканты, поэты, художники, ореол загранички, один выставился в Лондоне, другой в Чехословакии – для девиц очень интересно. Все са-

мые красивые бабы были у нас, художников подполья.

Подвальное брачное агентство!

Да, подпольные салоны – замечательное брачное агентство, все знакомые там женились. Все без исключения. Какой-то художник женился на дочке маршала Якубовского, другой, Кирилл Дорон, кадрил внучку

Ходячие корейники! Нелзя же натянуть на себя все джинсы, которые тебе привозят. Или книжки: не солить же четыре тома «Архипелага ГУЛАГа» – продать надо! Надо было как-то от добра избавляться, тогда появлялись фарцовщики, которые у тебя всегда это брали. К тебе приходит торговец, профессионал – психиатр Валка Райков или сын автора «Чапаева» Сашка Васильев, – берет книги, дает тебе деньги, несет, загоняет ветром.

Был еще художник Рудик Антонченко, он из совсем другой команды, чем Гробман, он пришел из колоды фарцовщиков, а не бедности из Текстильщиков. Рокотов, Файбышенко (первые московские фарцовщики, расстреляны в 1961 году по личному указанию Хрущева. – «НГ») были его друзьями. Генеральный штаб был в кафе «Националь». Столкнулись мы случайно – сидел в метро, ехал от иностранца с дареным диском в руках. И он подскочил сразу ко мне: «Продаешь?» – «Надо послушать, подумать, потом тебе продам». – «Да нет, давай я тебе сразу дам двадцать пять или тридцать рублей. А еще у тебя бывают товары?» – «Бывают». – «Тогда я к тебе заскачу». Обменялись телефонами. Таким образом я его держал в кармане, а он меня на прицеле – как полезного товароведа.

Молодое поколение любило красиво одеваться?

Когда Рудик мне сказал, что он еще график и рисует буквы, делает книги, я обалдел. Я сначала думал, что у него нет профессии. Он элегантно одевался, у него был совсем не советский

перемещение по квартирам. С похмелья я приходил в стекляшку на Сретенке с Эдиком Штейнбергом или другими друзьями – до музея современного искусства дело у архитектора Посохина не дошло, а пивных из стекла и стали много понастроил. Юрий Осипович Домбровский постоянно стоял в углу в черной кепке, заправлялся пивком, вливал в огромные стеклянные пивные кружки четвертинку, ерш получался, потом подтягивались какие-то его приятели-писатели, один хвастался постоянно, что знал испанского генерала Листера. «А кто такой?» – «Герой испанской войны 37-го года, коман-

барак огромный, с колоннами, еще тридцатых годов, куда мы шли, когда отпускали из института, и уж там начинали гулять по 10–15 кружек. В высотном здании «Украинь» был очень модный respectable-ный бар, там собирались иностранцы, богатые люди с Кутузовского проспекта, и могли быть неожиданные эксцессы между пьяницами и богачами. Заводел был скульптор Сэм, седой пожилой мужик, – может, плиты для покойников делают? Из художников Снегур часто меня вытаскивал, братья Алдимовы.

Кабаки настоящие появились позже?

Все самые красивые бабы были у нас, художников ПОДПОЛЬЯ

дующий фронт под Мадридом, бежал вместе с Ибаррури, где-то в Сибири скончался. Домбровский что-то свое говорил.

Случайные встречи, ткань альтернативной истории. Какие были главные места?

Я начал в Сокольниках, там чеки построили стекляшку на выставке, где подавали шпички с зеленым горошком и очень вкусное чешское пиво «Праздрой» и «Пльзень». Стояла очередь, как всегда, надо было подождать, но если уж туда ввалился, то посидели на дватри часа, закусок великолепных, заливные судаки, пальчи-

Они всегда были. Я, получая большие деньги за иллюстрирование, брал двух-трех приятелей с бабами, мы выбирали самый лучший кабак – «Москва», «Центральный», «Октябрьский», «Вудапешт», «Берлин» – и шли туда пировать. Заказывали стол: суворовские вырезки, коньяки, вина, шампанские. Если ты хочешь выбрать кабака тихий, без грохота – идишь в «Центральный», где была русская кухня изумительная, лакей в черном фраке подавал роскошную солонку. В «Национале», как ни странно, я ни разу не сидел на втором этаже. В кафе – да, у меня было

Парижские игры под лавкой Люксембургского сада. Валентин Воробьев и Наталья Медведева. 1985 г.

Встреча друзей: Валентин Воробьев, Владимир Аников, Эдуард Штейнберг, Генрих Сангир. Москва, 1978 г.

Фото из архива Валентина Воробьева

маршала Тимошенко. Масса случаев! Дочки академиков, маршалов, писателей знаменитых. Но люди ломались – например, Алексей Паустовский, сын знаменитого писателя советского. Сломался, ушел в подполье – выпивон, наркота, поездки, девочки, все легко. Опасная, красивая жизнь. Шел сплошной обмен. Товар на товар, как в средневековое время. Например, китайскую вазу можно было обменять на картину Вейсберга. Поэтому на стенах висела сборная солонка – Вейсберг, рисунок Яковлева или Зверева, тут же рисунок Фалька или Шишкина. Мишка Гробман (поэт, художник, издатель, живет в Израиле. – «НГ») был величайшим менялой в Москве. Офеня-меняла. Грязный, опущенный, замазанный детгем, в валенках, ходил по Москве, стучался в двери, вваливался. «А мы вас не ждали!» – «А я вот шел и зашел!» Садился, начинался разговор, потом обмен. Большинство в то время были такими – ни автомобиля, ни денег, все страшно убого.

Фарца шла со всех сторон!

вид, скорее американца или еврейца – красивый галстук, пальто, брошки, костюм, который он шил сам, но по американским чертежам.

Белотинцев Лев Збарский (школа Элия Белотина готовила лучших мастеров полиграфии. – «НГ») любил первым иметь американский костюм с разрезом или галстук. А где достать? Надо спрыгнуть у Рокотова или у Файбышенко, который таскал с собой галстуки в кармане, скупленные у телеграфа. Файбышенко я видел еще до Рудика – когда учился во ВГИКе, он приходил к нам в общагу, приносил галстуки. На фестивале в 57-м году они очистили всех студентов мира, сняли все поношенные галстуки!

А как жизнь шла в московских пивных?

Такой орнамент жизни – у других это были партсобрания! После больших выпивонов все битники шли в пивные бары, заправлялись пивком, шел разговор, а потом что-то всерьез соображали насчет бутылки. Находили деньги, опять выпивали, шли по домам, потом ехали дальше – шло постоянно

ки облизнешь! Приходили одни и те же люди. Сначала вигковцы: Игорь Вулох, Сашка Васильев – много людей можно называть, как бусы. Я никогда не привязывался к какому-то пятатку, как связанные дворяне люди под начальством участкового, – дворов для меня не существовало. Водопроводчика мне нужно было поймать, чтобы отремонтировать туалет, а чтобы идти с ним пить – никогда. Я с дворником никогда не пил в стекляшке, а всегда звонил по телефону и вызывал приятелей с другого конца Москвы. Это и была московская артистическая богема.

В Сокольниках со Зверевым катались?

Конечно. Вечером, в хорошую погоду, в такси – и в Сокольниках, загружаешься пивом, банок 10–15 пузатеньких поллитровых. Мало ему показало – надо еще четвертинку добавить в стекляшке. На плезнере выпивон был очень редко – опасно, вдруг конница, монголы нападут, а здесь стены охраняли. После Сокольников второй был Центральный парк Горького, где был деревянный

место даже облюбовано сбоку, там можно было обойтись легкой закуской и заказать кофе. «Метрополь» мне не нравился, и был я там один раз. В «Коктейль-холле» на улице Горького сидели фарца и золотая молодежь. В «Артистическом» кто-то собирался из белотинцев, а в последнее время ходил Зверев, ожидая появления музы, старухи Асеевой, жившей напротив.

А в Париже возродилась традиция подвальных сборищ?

В Париже все, что было в московских подвалах и чердаках, – в сквате! Заброшенные заводы и банки занимают артисты и художники всех мастей. В скват на Риволи несколько лет назад приезжали девки с телевидения, с камерами, снимали и обсуждали. К русским на Жюльет Доду, где Хвостенко заправлял со своими приятелями, часто приезало телевидение французское или швейцарское. Там живописно – где еще найдешь такое место? Сегодняшние скваты это живое искусство – как то, что было в Париже в девятнадцатом веке.